

**«РАЗЛУКА НЕ РАЗВОД...»
ИЗ ПЕРЕПИСКИ В. А. ЖУКОВСКОГО
и А. Ф. ВОЕЙКОВА 1823 г.**

*(Вступ. статья С. В. Березкиной. Подгот. текста
и коммент. А. Ю. Балакина и С. В. Березкиной)*

Александр Федорович Воейков (1778–1839), поэт, переводчик, журналист, сыграл роковую роль в жизни В. А. Жуковского (1783–1852).¹ Закончивший Московский университетский благородный пансион в 1795 г., он был знаком Жуковскому по кругу его воспитанников. Ближе они сошлись в 1801 г., когда в московском доме Воейкова собиралось Дружеское литературное общество. В Москве Жуковский и Воейков встречались, несомненно, и позднее, однако они не были приятельски близки друг другу. Их сближение произошло осенью 1813 г., когда Воейков решил погостить у Жуковского, жившего в это время в Холхе Болховского уезда Орловской губернии, а фактически, подолгу, в имениях своих родственников и друзей – Муратове и Черни. Так Воейков, приехавший в октябре 1813 г. к Жуковскому, вошел в круг семейства Екатерины Афанасьевны Протасовой (1770–1848), урожд. Буниной. Она приходилась Жуковскому единокровной сестрой (т. е. у них был общий отец), причем их родство, что было для него очень важно, не имело никаких документальных подтверждений: он был незаконным сыном А. И. Бунина.

Определяющую роль в судьбе Жуковского сыграла его любовь к своей племяннице Марии Андреевне Протасовой (1793–1823), в замужестве Мойер. Любовь родного дяди к Маше встретила резкое со-

---

¹ Об отношениях Жуковского и Воейкова см.: *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904. С. 137–184; *Соловьев Н. В.* История одной жизни. А. А. Воейкова – «Светлана». Пг., 1915. Т. 1; Из неизданной переписки В. А. Жуковского с русскими литераторами 1810–1820-х гг. / Публ. Р. В. Иезуитовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 год. Л., 1984. С. 85–102.

противление со стороны ее матери, которая 10 окт. 1815 г. писала П. И. и М. Н. Протасовым, защищая свою позицию: «Ни один священник венчать не станет сына моего отца с моею дочерью. <...> неужели вы называете предрассудком повеление моей церкви, которой главою есть Христос, в которой я воспитана?».² Любовь Жуковского и Маши Протасовой нашла в их родственно-дружеском окружении как противников, так и союзников. Конечно, здесь сказалась и сравнительная распространенность в русской действительности родственных браков; был в дворянском кругу и определенный навык сокрытия родственных связей и путей обхождения тех препон, которые могли встретиться на пути подобного рода союзов в церковной среде. Но любовь родного дяди к племяннице представляла исключительный случай близкородственной связи и, на языке законов Российской империи, определялась как кровосмешительство. То, насколько сложным явлением представлялся брак Жуковского с Машей Протасовой, станет ясно, если взглянуть на него с такой точки зрения: если бы он состоялся, то родившийся, например, мальчик приходился бы матери одновременно сыном и двоюродным братом. Потому что его отцом был бы ее родной дядя...

Приехавший к Жуковскому Воейков быстро оказался посвящен в эту сложную любовно-семейную коллизию. Когда в середине 1814 г. Жуковский начал писать Воейкову обличающие его письма,³ то указал, что роковую роль в этом сыграл А. А. Плещеев, хозяин имения Большая Чернь, у которого Воейков ловко выпытал в 1813 г. все подробности о положении своего тогдашнего друга в семействе Е. А. Протасовой. Воейков выказал Жуковскому полнейшую поддержку и готовность всячески воздействовать на противящуюся его брачным планам Екатерину Афанасьевну. В ответ он получил дружескую поддержку со стороны Жуковского в своих ухаживаниях за ее младшей дочерью Сашей.

14 июля 1814 г. – день венчания Воейкова и Александры Андреевны Протасовой (1795–1829), для которой он стал началом трагедии всей ее жизни. В ней винила себя Маша Протасова, однако Жуковский иначе глядел на это событие: он утверждал, что всё произошло

---

² Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904. С. 293.

³ Из трех писем, адресованных Воейкову Жуковским во второй половине 1814 г., опубликовано только одно, см.: Из неизданной переписки В. А. Жуковского... С. 85–87.

помимо его воли, само собой, и что он не советовал Екатерине Афанасьевне ответить безоговорочным согласием на сватовство Воейкова.⁴ Между тем первое обличающее Воейкова письмо Жуковский написал за несколько дней до его свадьбы. Казалось бы, мрачный облик человека, входящего в семейство Протасовых, стал ясен Жуковскому, однако письмо не было передано ему. Не отдал он и следующее, написанное спустя неделю после свадьбы. Надежда не ушла из сердца Жуковского, и он продолжал уповать на брак с Машей Протасовой. На протяжении июля 1814 г., вплоть до последних чисел этого месяца, когда Жуковский уехал из Муратова, его взаимоотношения с Воейковым носили неровный характер, но он не желал полного разрыва с ним, считая его, по-видимому, нужным для себя человеком в доме Протасовых. Дело осложнялось еще и тем, что в первое время семейной жизни, в 1814–1815 гг., Воейков сумел привлечь на свою сторону Сашу, которая разделяла его мнения.⁵

Размышляя в 1814 г. о Воейкове, Жуковский сделал вывод, что его привело к нему, причем «из такой дали», Провидение.⁶ Трудно сказать, ускорились ли события вокруг сватовства Жуковского из-за того, что Воейков резко (причем лишь с июня 1814 г.) изменил свое мнение о возможности его женитьбы на Маше, во всеуслышание объявив об этом в доме Екатерины Афанасьевны. Двучичие Воейкова, открывшееся Жуковскому, не снимает вопроса: знал ли он о глубокой безнравственности этого человека, который для любого порядочного семейства неизбежно должен был стать настоящим бедствием?

К моменту свадьбы никто не знал об огромных долгах Воейкова – в полном их отсутствии он сумел уверить и свою будущую тещу, и Жуковского. По-видимому, это были картонные долги, сделанные

---

⁴ По свидетельству Жуковского, Воейков говорил о нем летом 1814 г.: «Его приязнь заманила меня в Муратово; его доброму обо мне мнению обязан я Сашею». Приведа эти слова в письме от 10 сент. 1814 г., Жуковский решительно возразил: «Совсем наоборот! <...> Благодаря Провидение, которое вселило в тебя мысль посетить Жуковского!» (РО ИРЛИ, № 29399, л. 8). В письме есть и намек на то, что Екатерина Афанасьевна приблизила к своему семейству Воейкова в пику Жуковскому.

⁵ В 1814–1815 гг., когда Воейкову приходилось оправдываться перед Жуковским и его друзьями за свое поведение, он заставлял свою жену писать им письма, которые, конечно же, сам и диктовал ей. Жуковский не однажды с горечью вспоминал об этих письмах.

⁶ Ср.: «...твоя дружба ко мне, которая из такой дали привела тебя в Муратово, была первым твоим успехом – но всё остальное сделалось без меня!» (РО ИРЛИ, № 29399, л. 8).

им еще в юности;⁷ с этими долгами Воейков боролся едва ли не до конца 1820-х гг., когда упоминание о них наконец исчезло из его писем с уверениями Жуковского в том, что он оказывает материальную поддержку своим детям, высылая, после смерти Александры Андреевны, нужные суммы на их содержание.⁸ Пока он гасил эти долги, растворилось не только его саратовское имение с 150 крепостными (правда, у него к началу 1830-х гг. оказалось во владении другое, владимирское, с 250 крепостными, доставшееся ему, скорее всего, от кого-то по наследству), но и часть протасовского имения.⁹

В 1875 г. на страницах журн. «Русская старина» была опубликована анонимно статья «А. Ф. Воейков. 1779–1839: Отрывки из заметок его приятеля». Черновая рукопись ее с правкой М. И. Семевского сохранилась в составе архива этого журнала, причем на архивной обложке автографа написана и фамилия автора: Михаил Максимович Попов (1800–1871).¹⁰ Видный чиновник III Отделения, человек талантливый и весьма компетентный, он обладал превосходными навыками работы с личными бумагами и документами;¹¹ статья о Воейкове писалась им с использованием сведений из его архива, который он же и разбирал. Попов был приятельски знаком с Воейковым (при этом надо иметь в виду, что заголовка «Отрывки из заметок его приятеля» в рукописи не было, и он был дан Семевским по впечатлению, которое складывалось после знакомства с ней). Автограф в заключительной части представляет собой лишь подбор материалов для окончания

---

⁷ В письме от 21 июня 1826 г. к кн. Е. А. Волконской Воейков упоминал о Рязани и «прошедших днях молодости, глупости и мотовства», за которое ему приходится платить «каторжною работою» (Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М., 1901. Ч. 8. С. 259).

⁸ См.: РО ИРЛИ, № 27966, л. 12–19 об.

⁹ О владениях Воейкова см. в его формулярных списках 1820 и 1834 гг.: РО ИРЛИ, ф. 31, № 35. В 1817 г. Воейков получил в свое распоряжение причитающуюся его жене часть имения Муратово, что вызвало возмущение М. А. Мойер и Жуковского. Еще ранее, в 1815 г., Е. А. Протасова продала село Сурьянино (Сурьяново, Сурьяниново), и половина денег за него пошла на оплату долгов Воейкова; Жуковский считал, что эта половина была «Машиным добром», которым «бессовестно» распорядился Воейков (Из неизданной переписки В. А. Жуковского... С. 90).

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 513. Указано: *Балакин А. Ю.* Списки сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 206.

¹¹ О М. М. Попове, а также его архиве в составе фонда «Русской старины» см.: *Березкина С. В.* Статья чиновника III Отделения М. М. Попова «Александр Сергеевич Пушкин» // РЛ. 2013. № 1. С. 105–110.

статьи, что не умаляет цельности работы, содержащей ценные сведения о писателе. Семевский напечатал ее в своем журнале не полностью, купировав сообщения о личной жизни Воейкова.

То, о чем с намеком или же в скромном пересказе сообщала публикация, рукопись передавала в самом неприглядном, а иногда и страшном виде. Попов утверждал, что на совести Воейкова было «по крайней мере» семь «смертных грехов». Первый их них прикрыт в публикации многоточием.¹² А это было, ни много ни мало, как матереубийство («убил свою мать»), с предположением, что Воейков это сделал «в минуту мгновенного разгорячения».¹³ В публикации сообщалось и о «какой-то интимной связи» (выражение сочинено самим Семевским), но при этом не объяснялось, почему автор отнес ее к «смертным грехам» Воейкова. В рукописи же об этом говорилось так: «Другой смертный грех <...> это была связь его с [невесткой] женой родного брата». Вероятнее всего, Попов узнал об этом от самого Воейкова. От Жуковского же знал об этом другой мемуарист, К. К. Зейдлиц, который сообщил П. И. Бартеневу сходное свидетельство: Воейков жил с женой родного брата, которого спаивал.¹⁴ Это была Авдотья Николаевна Воейкова, адресат двух посланий Воейкова («О ты, с которою блаженство постигаю...», 1808; «Не витийство, не поэзия...», 1809). Обстоятельства, связанные с именем и ролью в жизни Воейкова этой женщины, были прояснены в комментарии Р. В. Иезуитовой.¹⁵ Уже в 1813 г. Жуковский знал от Воейкова об этой женщине и его желании жениться на ней. В стихотворении «Не витийство, не поэзия...» упоминается муж Авдотьи Николаевны, поэтому можно предположить, что к 1813 г. она уже овдовела.¹⁶ Знал Жуковский и о том, что у Авдотьи Николаевны был сын от Воейкова. Вот что сообщал о нем и его матери Попов (в публикации часть сведений была выпущена):

---

¹² См.: [Попов М. М.] А. Ф. Воейков. 1779–1839: Отрывки из заметок его приятеля // Русская старина. 1875. № 3. С. 577.

¹³ Ср. ниже в письме от 4 апр. 1823 г. упоминание Воейковым о смерти своей матери в ряду многих «жестоких несчастий» и «бедствий», которые он пережил; вероятнее всего, Жуковский не впервые слышал от него об этом происшествии.

¹⁴ Голос минувшего. 1919. № 1–4. С. 162.

¹⁵ Из неизданной переписки В. А. Жуковского... С. 101.

¹⁶ Возможно, она была женой Павла Федоровича Воейкова, в 1810 г. судьи Рязанского уездного суда (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи. СПб., 1810. Ч. 2. С. 147). В одном из стихотворений А. Ф. Воейков писал о своих прогулках с Авдотьей Николаевной по берегам Оки, т. е. жила она, несомненно, в Рязани.

«Еще в походе 1812 года она везде ездила с ним, и в тот же год, во время переправы через Березину, у них родился сын, Доброславский. После этот сын воспитывался в Москве, у матери, учился в Медико-хирургической академии и был выпущен лекарем в конце 1834 года. Воейков выписал его в Петербург и определил ординатором в Военно-сухопутный госпиталь. Божеский гнев лежал на этом сыне преступной любви. Избалованный у матери, он ни от кого не получил правил веры и нравственности, был вольнодумен, нагл и дерзок против всего, даже против святого. Если б продлилась его жизнь, то, конечно, он попал бы на виселицу. В Петербурге первых месяца два он жил у отца и в это время успел соблазнить его наложницу, так что отец принужден был выгнать его из дома и нанять ему отдельную квартиру на Петербургской стороне. Не долго он жил там. Раз утром (4 марта 1838 г.), начав бриться и выслав своего человека, он бритвой перерезал себе горло. Ни тогда, ни после не узнали причины этому. Всего вероятнее, что буйные страсти и недостаток веры довели его до такой смерти. На отца это происшествие жестоко подействовало. Дряхлеющий и расположенный к болезням старик начал больше и больше хилеть».

Фамилия сына с неопровержимостью доказывает, что Дмитрий Доброславский был рожден матерью вне брака, т. е. после того, как она овдовела. Неясным представляется другое: как можно было думать о женитьбе на ней, если второй муж первому мужу приходился родным братом? Законы Российской империи запрещали такое супружество, поскольку сожитительство с невесткой рассматривалось Русской православной церковью как грех. Конечно, такого рода союзы встречались и на русских просторах – пример тому Михаил Виельгорский, большой друг Жуковского, который был женат на сестре своей первой жены. Но это был особый случай, освященный, что важно, католической церковью, к тому же речь шла о высокородном союзе графа Виельгорского и принцессы Бирон. Сомнительно, что планы женитьбы Воейкова на Авдотье Николаевне, о которых Жуковский упоминал еще в 1814 г., были достаточно серьезными. Знал ли Жуковский об их родстве? Конечно, знал. Летом 1815 г. в своем дневнике, который создавался для Маши Протасовой, Жуковский написал, что Воейков «имел намерение переселить ее к нам в дом».¹⁷ Это было бы странно, если б Авдотья Николаевна не была

---

¹⁷ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 13. С. 110.

его родственницей. Но для вдовы брата, с ребенком, такое «переселение» было вполне возможно... Недаром Саша Воейкова в письме к Д. А. Кавелину, написанном в июне 1815 г., назвала ее «ужасной женщиной».¹⁸

Рукопись Попова достаточно подробно живописует сладострастную натуру Воейкова. «Даже в последние годы своей 67-летней жизни у него не переводились любовницы, да так, что года за три до смерти у него завелось их вдруг три, кроме постоянной. Это кончилось тем, что все они передрались и прибили его самого!». Воейков занимался благотворительностью, правда не бескорыстно: «...он не давал никому спуска, а приходили к нему бедные женщины за помощью, даже старые и дурные не отделялись от него». В доме Воейкова жили нарядные красивые женщины (у него была особая склонность к роскошным женским волосам, чем, кстати, была памятна и его первая жена, красавица Александра Андреевна): «Некоторые из живших у него были прекрасны, и он умел увеличить наслаждение их туалетом». Портрет Воейкова, нарисованный Поповым, напоминает старшего из Карамазовых (отца) в известном романе Достоевского.

Такой человек вошел в дом Е. А. Протасовой, став мужем ее семнадцатилетней дочери. «Обличительные» письма Жуковского 1814 г. особо, с большой тревогой, говорили о необыкновенном характере Воейкова.¹⁹ Жуковский писал о его неискренности, лицемерии, притворстве, двоедушии, предательстве, хитрости. В домашней жизни Воейков не сдерживался, и трогательная, чуткая атмосфера семьи Протасовых была потрясена его скандалами, пьянством, интригами, злобой, притеснениями. М. М. Попов отмечал в Воейкове особую склонность мучить других.²⁰ Обладая большим умом, он в своих делах не знал каких-либо моральных запретов, с наслаждением пользуясь простотой и порядочностью тех людей, с которыми его сводила судьба.

Жуковский знал, что в общении с Воейковым нужно опираться на силу, внушая ему некий страх. Этого принципа он придерживался и в своем стремлении помочь Саше, которая через два-три года супружеской жизни, примерно к 1816 г., утратила все иллюзии относительно мужа и своего будущего с ним. Вернувшись в феврале 1822 г. из за-

---

¹⁸ Там же. С. 92.

¹⁹ «Остается сказать о главном, о *твоем* характере <...> Он пугает меня, потому что от него зависит счастье тех, которых люблю наравне с жизнью...» (РО ИРЛИ, № 29399, л. 10).

²⁰ [Попов М. М.] А. Ф. Воейков... С. 583.

граничного путешествия, Жуковский поселился в Петербурге вместе с Воейковыми в одной квартире напротив Аничкова дворца. Здесь он воочию мог наблюдать развитие отношений внутри уже сложившегося к тому времени любовного треугольника: Воейков, его жена Саша и – Александр Тургенев. Для Тургенева Саша стала предметом страстной любви, ее отношение к нему также имело оттенок более или менее выраженной симпатии. Во второй половине 1822 г., после рождения сына Андрея, обстановка в семье Воейкова приняла мучительно-нетерпимый характер, поскольку он был уверен в измене жены. В феврале 1823 г. Жуковскому удалось увезти Сашу с детьми к родным в Дерпт, где ожидалось важное событие. Вскоре оно и случилось, но оказалось трагическим: 18 марта 1823 г. скончалась в родах М. А. Мойер.

В конце марта 1823 г. в Дерпт вновь приехал Жуковский. Предлагаемые в настоящей публикации письма связаны с неизвестным эпизодом в биографии как самого поэта, так и Воейкова. Письма к Воейкову конца марта–апреля 1823 г. говорят о крайней степени неурядиц и несогласий в его семье. Жуковский видел всё происшедшее в канун отъезда Саши и понимал, что возвращение ее к мужу невозможно. В тяжелом положении находилась и Е. А. Протасова, которая стала опасаться за жизнь своей последней дочери. В письмах Жуковский потребовал от Воейкова согласия на то, чтобы Саша не возвращалась в Петербург и прожила в Дерпте, рядом с матерью, не менее года. Оба весенних письма Жуковского 1823 г. к Воейкову о Саше сохранились в черновиках, но они, несомненно, были ему отосланы. Угрозами и уговорами Жуковскому удалось добиться от него согласия, и Александра Андреевна вернулась в Петербург только в начале 1824 г. Родные же Саши Воейковой, по-видимому, мечтали о большем – о фактическом разъезде супругов. Этого Жуковскому добиться от Воейкова не удалось (хотя, вероятнее, произошло это из-за позиции его жены, которая вернулась к мужу в ответ на его уговоры). Между тем согласие Воейкова в данном случае было ключевым условием, поскольку, по законам Российской империи, муж и жена должны были проживать совместно. Трудности бракоразводного процесса того времени подталкивали многих супругов к разъезду, но исключительно добровольному и по обоюдному согласию, поскольку в противном случае, по жалобе какой-либо из сторон, к их жизни могло быть привлечено внимание властей.

В ответ на первое письмо о Саше Воейков послал в Дерпт 4 апр. 1823 г. письмо, по словам Жуковского, «исполненное низких руга-

тельств». Воейков угрожал разоблачить Жуковского в прошении («записке») на высочайшее имя. По-видимому, здесь имелась в виду его убежденность в существовании давней любовной связи между Жуковским и М. А. Мойер.²¹ Поскольку Жуковский приходился ей родным дядей, то обвинение принимало серьезный характер. Следует отметить, что угрозы Воейкова бросали особый ответ на историю сватовства Жуковского к Маше Протасовой: даже при согласии ее матери Жуковский, скорее всего, не избежал бы впоследствии нападений со стороны своего врага, по доносу которого брак мог быть расторгнут с наложением наказания не только на супругов, но и на тех, кто скрыл их близкое родство (об этом Воейков говорил в Муратове еще в 1814 г.).²² В Российской империи перед венчанием свидетели ставили свои подписи в ходе так называемого брачного обыска под документом, один из пунктов которого требовал удостоверения в отсутствии у супругов близкородственной связи.

Жуковский не испугался угроз Воейкова и указал на готовность всей семьи подтвердить чистоту его «прошедшего». Однако укротить мстительную злобу Воейкова и вырвать из его когтей Сашу хотя бы на год Жуковскому удалось другим способом: во-первых, он подкупил обещанием поддержки и помощи во всех его делах, во-вторых, пригрозил ему «войной», к началу которой были готовы его влиятельные друзья, а в-третьих, устрасил какими-то документами. В конце апреля 1823 г., в день своего отъезда из Дерпта, Жуковский, получив письмо от Воейкова, с удовлетворением написал А. П. Елагиной: «А Саша во весь этот год не расстанется с маменькою».²³

---

²¹ 18 дек. 1817 г. М. А. Мойер сообщила А. П. Елагиной о получении ею анонимного письма, адресованного мужу, И. Ф. Мойеру, и содержащего оскорбления по его адресу, а также грязную ложь о ее отношениях с Жуковским (это письмо М. А. Мойер удалось перехватить); автором его, несомненно, был Воейков, который в это время был взбешен позицией Жуковского и Мойер относительно полученной им части Муратова (Уткинский сборник. С. 197–199).

²² Ср. в письме Жуковского к Воейкову от 10 сент. 1814 г. воспоминание об июльских событиях того же года в Муратове: «А ввечеру не при мне ли Маша просила у тебя прощения со слезами, и в чем же? В том, что она на тебя рассердилась! <...> За то, что ты вздумал ее утешать и сказал ей с душевным участием и милою ирониею: не плачьте, милый друг! Мы выдадим вас за Жуковского! А маменьку посадим в монастырь! Всё будет прекрасно! И потом, оборотившись к Саше, прибавил: а ты невинная душа! Ты не знала, что он в твою сестру влюблен и что твоя сестра влюблена в него!» (РО ИРЛИ, № 29399, л. 7 об.).

²³ Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. 1813–1852 / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э. М. Жиликовой. М., 2009. С. 256.

В Петербурге он встретился с Воейковым, пылавшим ненавистью к нему. Ею дышит его письмо к Жуковскому, написанное в конце мая 1823 г. Отстаивая интересы Саши, Жуковский внимательно следил за ее мужем. Предпоследнее из писем, предлагаемых в настоящей публикации, говорит о том, что это стоило ему больших усилий. Столкновение с Воейковым в 1823 г. было жаркой схваткой, в которой проявилась крайняя степень его враждебности к Жуковскому.

Характер отношений Воейковой с женой после ее возвращения хорошо передает его письмо к ней от 24–25 июля 1824 г. (следует подчеркнуть, что в нем не раз упоминается сестра Маша, но речь о ней идет как о живой):

«Горестное письмо твое от 18-го июля растерзало мое сердце, а от 20 пущенное <?> утешило. Ты не поняла меня; вероятно, я дурно выразился. Я люблю Жуковского, люблю Тургенева как милого брата, как лучшего друга, люблю Булгарина, Гнедича, Карамзиных, маменьку, Машу, всех нежно и сильно, и еще надобно добавить, больше всего за то, что они тебя оценить умеют, тебя любят. Мне ласки твои им приятны, не неприятны твои неласки мне; мне весело смотреть, с каким живым восторгом собираешься ты в Дерпт на свидание с матерью и сестрою; но в эти минуты весь мир забыт тобою, а с ним и я, жалкий муж. Уважаю чувство, заставляющее тебя проводить время с умным слепцом Козловым; но не может мне нравиться, что ты беспрестанно или едешь к нему, или собираешься, забыв, что у тебя есть свои домашние слепцы, которые, упавши, сильнее могут ушибиться и которым нужно руководство матери. Помнишь ли, когда мы собирались ехать в Царское Село, ты заранее уже говорила мне, что ты займешься там Карамзиными и с ними гулять будешь и что боишься, чтоб это меня не огорчило, не рассердило. – Вот сокращение жизни нашей! – Ты говоришь, что я весел только на таких весельях, которые сам я выдумал: да, это правда, меня сильно радует всякое удовольствие, которое могу тебе доставить, и всего больше мною придуманное, и именно потому, что оно мною для тебя придумано. – Пойдем далее; но только прошу не плакать, не желать себе смерти: помни, что у тебя две дочери; слёзы ничего, кроме слабости нерв, не доказывают. Теперь же мы говорим не для того, чтобы упрекать друг друга, а для того, чтобы кинуть <несколько слов оторвано> <уважи>тельный взгляд на минувшее – принять <надежду?> на будущее. – Итак, далее: когда матушка больна, ты сидишь, держа ее голову, целые сутки неподвижно –

и это мучительное положение, эта бессонница, этот голод, – эта темнота, – составляют твоё счастье, ты с сладостью терпишь. – Я не смею требовать от тебя столь горячих знаков любви и уверен, что, если б нужно было, ты бы и для меня то же сделала; киевская горячка живое тому доказательство! – Но, оставляя большие пожертвования для больших, весьма редких случаев жизни, спроси сама себя: приучила ли ты себя хоть к одному моему любимому капризу, не твердишь ли ты беспрестанно: это гадко, это несносно... Я перевожу сие другими словами: ты гадок, ты несносен, и всё, что от тебя и тобою выдуманно, никуда не годится. – Я люблю путешествовать – ты без всякой причины объявила, что дороги терпеть не можешь. Люблю гулять в садах с детьми, обедать там, пить чай и пр. Тебе это противно! – Люблю ложиться спать в 12 часов – ты рада просидеть с кн. Вяземским и с другими до 5 часов утра. – Люблю марать стихи – ты глотаешь их, как пилюли, как стихи графа Хвостова, особливо стихи к тебе. О последних ты бы могла просто сказать мне: “Друг мой! они мне приятны, но не печатай их”. Я бы верно тебя послушался. Какое же следствие из этой нелюбви? Я перестал писать стихи, хотя уверен, отложив всё авторское себялюбие, что переводил их не хуже многих, многих. Приду ли поболтать с тобою в веселый час? Ты занята письмами или записочками. Спешу ли вечером поговорить с тобою? Ты, будучи готова бодрствовать с гостями до утра, в ожидании меня уже крепким сном заснула!

<Дожидаюсь?> ли с нетерпением твоего пробуждения? Сказывают, что уже ты одета, или одеваешься. Если ты когда и приласкаешь меня из жалости, то это с такими трудными сборами, с таким принуждением. На коленях у меня сидеть – больно; положу руку – тяжело; хочу поцеловать – воняет изо рта; пошутить – неблагопристойно! подарки мои – принимаешь равнодушно; вещи, которые я даю тебе, – тотчас раздариваешь. Безделки составляют жизнь, из безделок соткано и счастье. Ради Бога, не плачь над этим письмом, может легко статься, что я ошибаюсь, от тебя зависит разуверить меня, доказать, что мое воображение представило мне все вещи в превратном виде. Повторяю тебе, не плачь! Ты пролила целое море слёз, но кому помогли они? расстроили твоё драгоценное здоровье, а не состроили домашнего нашего быту. – В письме своем от 18-го ты говоришь: “позволь поступками, принесением всей жизни одному тебе и твоим детям без раздела, дополнить то, что тебе кажется в сердце моем недостаточным”. Этого не нужно! Я готов де-

литься, но не надобно забелять меня. Не хочу, чтобы ты ходила на погреб, как сестра Маша, чтоб умирала на картофеле, чтоб погреблась в самом скучном чухонском городе, чтоб зналась с одними немецкими мешчанками. Езди по гостям, веселись с Карамзиными, с Муравьевою; люби Жуковского как душу, будь дружна с Тургеневым, как Орест с Пиладом, пиши страстные письма к гр. Толстой и Черкасову, но не забывай и меня в углу, как изношенный башмак; или, что еще хуже, не подавай мне ласк своих – как милостыни. Любви хочу, а не жертвы; наслаждения, а не пожертвований; счастья – а не личины счастья. Не притворяйся счастливою, а будь счастлива в сам<мом деле и><?> осчастливь

страстного, ревнивого своего обожателя

А. Воейкова.

Всё или ничего!

<...> 25-ое июля 7 часов утра. Будь со мною так, как была ты в Стрельне и Петергофе в последний день: я был любим тобою, блаженствовал, как на небесах. И теперь еще каждая жилка дрожит от удовольствия» (РО ИРЛИ, ф. 18, № 14).

Письма Жуковского печатаются по черновым автографам: РО ИРЛИ, № 29399, л. 11–12 и 17–19 (№ 1: два автографа, по-видимому, представляющие собой отрывки одного и того же письма к Воейкову), 14–15 (№ 3), 16–16 об. (№ 6)

Письма Воейкова печатаются по автографам: РГБ, ф. 104, карт. VII, ед. хр. 1, л. 3–4 об. (№ 2), 5–6 об. (№ 4), 7 (№ 7); РО ИРЛИ, № 27966, л. 10–10 об. (№ 5).

Орфография и пунктуация публикуемых писем приведены в соответствие с современными нормами, но с сохранением некоторых особенностей оригинала.

1

В. А. Жуковский А. Ф. Воейкову

Конец марта 1823 г. Дерпт

I

Твое обещание сюда приехать заставило Сашу написать к тебе то, что она хотела поручить мне известить тебя словесно.¹ На письме лучше: можешь всё прочитать до конца, можешь обдумать на досуге и решиться свободно, без ожесточения. Ты мог делать планы сарско-

сельской жизни до отъезда Саши в Дерпт, и эти планы были сбыточ-ные. Но теперь, когда всё так ужасно переменялось, можешь ли ди-виться, что и планам твоим сбыться нельзя. И о каких планах думать. Им надобно быть вместе, чтобы просто не умереть. Где возьмешь для них сил, чтобы расстаться в такой страшной горести; чтобы дать Е<катерине> А<фанасьевне> сил переносить одиночество в пустом Машинном доме, или покинуть ее дочь и ехать к тебе гостить в Сар-ское Село? Найдешь ли способ подкрепить Сашу при разлуке с мате-рью, которую она должна будет оставить на могиле сестры? Или бу-дешь ли в состоянии устроить для нее какую-нибудь <нрзб.> жить в Сарском Селе, где всякую минуту будет ее мучить неизвестность о том, что делается с двумя ее сиротами? Чем этому поможешь? Неу-жели семейным счастьем? Но (если бы и забыть весь тот ад, который мучит Сашу в последнее время) как ты это счастье приготовил? Неу-жели своими письмами, в которых не только ее осыпаешь незаслу-женными оскорблениями, но еще и дочери своей пишешь то, о чем бы дочь не должна была иметь и тени понятия – эти письма в моих ру-ках.² И ты от <нее> требуешь любви и забвения прошедшего. Я не хуже тебя знаю, что в последнее время много случилось такого, чему бы лучше не быть; но ты сам знаешь и так же хорошо, как я, что Са-шино поведение совершенно беспорочно;³ я могу это подтвердить с доказательством в руке (если уже надобны будут доказательства, и не последнее из них будут те стихи, которые ты – кому в честь пи-саны <?> – напечатал в своем Инвалиде).⁴ Но до крайностей допус-кать себя не должно.

Что бы ты ни думал, как бы ни было для тебя *собственно* непри-ятно намерение Саши здесь остаться, но против него сказать тебе не-чего. Ее обязанности к тебе не уничтожают прочих обязанностей; и никакие противоречия с твоей стороны не могут и не должны вос-препятствовать ей быть дочерью. А теперь в это ужасное время что ей иное можно делать? Имеешь ли какую-нибудь власть противиться ей быть вместе с матерью, чтобы в ней искать подкрепление и ее под-креплять своим присутствием? Разлучить ли ее с детьми, чтобы при-бавить к ее страданию? На это ты права не имеешь! А если бы и имел, то надобно быть без малейшей искры человечества, чтобы воспользо-ваться таким правом – но ты его не имеешь! Поверь мне и не старайся на этот счет себя обманывать! Саша (которая и при теперешнем бед-ствии всё еще на твоей стороне и не слушает никаких убеждений), несмотря на то, твердо уверена, что ты не имеешь права требовать от

нее, чтобы она на эту минуту бросила в твоё угодение свою полумертвую мать и ехала наслаждаться летом в Сарском Селе. Прими же и ты свой участок в нашей общей потере; этот участок ничто в сравнении с нашим – прожить год одному в Петербурге! Что значит это в сравнении с нашим горем? Будешь скучать? – Неправда! Можешь и не скучать! Работай! Одним словом, тебе нельзя не согласиться с Сашею! И лучше без новых огорчений. Вместо того, чтобы обременять ее сердце без нужды и вредным для самого твоего будущего образом, сам облегчи его, помоги ей снести свою судьбу, докажи, что в тебе есть хоть общее человеческое сострадание, если уж нет к ней привязанности. Она уже писала тебе, что ее пребывание здесь не будет тебе стоить ничего: заплати только то, что должен заплатить маменьке и miss Parrich.⁵ На собственное содержание она от тебя ничего не требует. На квартиру к себе пустим постояльца:⁶ найдется кто-нибудь из общих наших знакомых. А саркосельский дом передать нетрудно. Для себя же можешь сохранить Фрейгангов.⁷

II

В заключение скажу искренно свою мысль: если бы ты хотел действовать без эгоизма, если бы хотел понять собственную выгоду в общей, то ясно бы увидел, что для тебя и для нее добровольная разлука (с определенным раз в год свиданием) была бы единственный способ сохранить некоторое семейственное счастье. Говорю об ваших делах, а не об вас. Для вас уже никакое семейное счастье невозможно – о привязанности взаимной говорить нечего! Ее нет, но и того, чему бы быть легко, спокойствия – также не существует. Вы были теперь розно? Что ж, помогло это? Дал ли ты ей успокоиться! Ничего, все твои письма наполнены ругательствами, и половина этих писем к дочери. Как же надеяться на какое-нибудь согласие, когда будете вместе. Не обвиняй обстоятельство! Не обстоятельства произвели разрыв! Но разрыв, которому уже пособить нечем, произвел обстоятельство. Они сами по себе ничто; но безделица становится бедствием, когда нет главного – согласия. Но не Саша разрушила это согласие! а твой характер! И я уверен, что ты ничего не поправишь, ибо ты и не думаешь ни в чем обвинять себя. Что ж пользы вам быть вместе! Надеешься ли, что вперед будет лучше? Я не надеюсь. Ты только умеешь *приказывать* Саше в письмах <х> своих быть к тебе нежною, а шагу не делаешь для того, чтобы возбудить в ней хотя чувство к тебе благодарности. А теперь только это одно тебе и осталось: заслужить

благодарность. И средство одно: дай ей быть вполне матерью! Будь сам отец, но не для себя, а для детей. Жить вам вместе нельзя: не будет и тени счастья! Может только усилиться взаимная ненависть, и наконец надобно будет прибегнуть к какой-нибудь бедственной крайности.⁸ Расстаньтесь, чтобы изредка видаться без всякого ожесточения. Эта разлука более сдружит вас, нежели вместе без союза. Быть вместе столь же вредно для вас обоих, как и для детей ваших: на что им быть свидетелями ссор, слез, несправедливостей, оскорблений, в которых недостатка не будет? На что быть участниками вражды, учиться домашнему беспорядку, привыкать обвинять кого-нибудь из тех, которые в глазах их должны быть всегда правы, одним словом, на что им портить сердце подле отца и матери? А это будет неизбежно, и чем далее, тем хуже! Подумай же о действии всего этого на их нравственность и на вас обоих! Ожесточение взаимное должно будет усилиться, и что же наконец будет следствием? То, что надобно предупредить добровольною разлукою. И теперь, к несчастью, сама судьба представляет для этого ужасный повод. На первое время (как бы ты ни решился) присутствие Саши необходимо для ее матери. Здесь, скажу опять, твои права кончаются. Никакой закон не даст тебе воли оторвать дочь от матери в такую минуту, когда обе убиты несчастьем,⁹ и разлучить твою жену с ее детьми, когда ей они нужны, чтобы не умереть с горя. Но и после – если согласишься со мною и не предпочтешь общему единственно возможному благу жестокого права мучить и оскорблять – сам поймешь, что ваша разлука (разлука не развод), разлука свободная, без всякого шума, возбуждающего неприятное внимание света, необходимая и теперь предписываемая обстоятельствами, есть единственный способ сохранить что-нибудь для твоего семейства и в особенности выгодна для ваших детей. Сравним оба положения и увидим, на которой стороне выгода. Чего ожидать от будущего, если будете вместе. Согласие не может восстановиться. Прошедшего не вырвешь из памяти. Его бы можно было заглаживать поступками; но столько жестоких опытов подтверждают противное. Я знаю, что у тебя в сердце против Саши:¹⁰ то, что я видел глазами, подтверждено твоим собственным признанием. Сказанное в минуту досады не значило бы ничего; но этой минуте служат подтверждением дни, недели и годы. Чего же ждать далее? Совершенного ожесточения, ненависти, словом, ужасной мучительной жизни вместе. И это не может устоять. Дойдешь до какой-нибудь страшной развязки, и осрамительной и гибельной для вас обоих. Но будьте вы двое – это

было бы еще сносно. Главное то, что от этого будут терпеть дети. Может ли ими заниматься мать с досужным спокойствием духа, без которого нет постоянства в занятии? Может ли быть она им полезна, когда ее здоровье падает, грудь болит, кровь льет из горла: вместо того чтобы о них заботиться, ей самой нужна чужая помощь! Она больная, за которой дети должны ухаживать, а не ей за ними. И ты сам при этом какую роль играть можешь. И дети, естественно, будучи свидетелями огорчений, теперь еще не совсем понимая их, а после их понимая, к одному из вас двух получают отвращение! И что же будет их воспитание при такой бедственной жизни воспитателей? – *Выгодно ли вам жить вместе для ваших издержек?* Нет! Их будет нужно вдвое. Саша здесь или в деревне ничего на себя от тебя не требует – с нее было бы довольно одного муратовского дохода, и на нее собственно и на уплату маменьке и на miss Parich. Живучи с матерью, она имела бы и от нее помощь. Их два хозяйства слились бы в одно. Она бы даже могла на себя взять управление Муратова и тем избавила бы тебя от всяческих забот об нем. Ты же, между тем, мог бы тра<ти>ть на себя немного, даже откладывать, сладил бы с своими долгами и привел в порядок расстроенное состояние. Живите же вы вместе в Петербурге – до чего доведут излишние расходы. Разве ты не делал расчета? Разве не видал, что и при строгой экономии, не отступая ни на волос от написанного, – почти невозможно жить доходом? Но разве в то же время не испытал, что вы никогда не держитесь предсказанного <?> и что это совершенная невозможность! К чему же это все приведет напоследок! К тому же, что теперь необходимо, но только с совершенным расстройством. – *Выгодно ли вам жить вместе для света и собственно для твоей службы?* Еще менее, нежели для чего-нибудь! Теперь еще всё можно поправить! Свет мало знает о ваших несогласиях семейственных, хотя, однако, знает нечто. Но продолжайся это как до сих пор (а продолжаться будет, и час от часу более), то какую картину увидит перед собою свет? И кому это во вред? Конечно, не Саше! Имя ее не тронуто! А твое готово погибнуть!¹¹ Остановись на границе! Остерегись вооружить против себя всех и каждого. Раз потерявши всё в Петербурге, потеряешь и всякую возможность что-нибудь приобрести в будущем. И не думай, чтобы нашел вознаграждение за потерянное в каком-нибудь другом месте, – ты держись благом Саши!¹² береги его как сокровище! Уничтожив его безумно, сам погибнешь и детей увлечешь за собою. Пока надобно будет поддерживать ее счастье, то мы все твои помощники и будем

о твоём заботиться, как о собственном; но если доведешь до крайности, то щадить уж не надобно будет ничего, и верь, что средства найдутся сломить силою то, что противится убеждению. Средств против тебя много и самых неизбежных. На этот счет не сомневайся. Но кто употребит их, если ты к тому не принудишь. Скажу только, что, живучи вместе с Сашею, ты только приготовишь неминуемую для себя погибель: доброе имя, выгоды службы, средства доставлять себе трудами доход (и всё это возможно теперь для тебя, только в Петербурге), всё рухнет.¹³ Что тогда начнешь? – Теперь посмотрим с другой стороны. Расстаньтесь добровольно. Повторю: разлука не развод. Расстаньтесь, чтобы раз в год видаться и потом, проведя несколько времени вместе, каждому работать особенно: *ей* заниматься детьми, *тебе* служить и писать. И всё этим устроено. *Для семейственного блага*: дети, находясь близ матери, в тишине, не видя ни ссор, ни слез, при ее спокойствии и здоровье созревали бы с помощью Божией мирно; ученье бы шло порядочно; учителя не нужны; Саша, с помощью книг, может доставить им все знания, им необходимые; без учителя выучились бы они и по-русски, и по-немецки, и по-французски – один только английский язык стоил бы денег! Но вот и все издержки. Но главный учитель был бы порядок, привычка к занятию, ибо их время было <бы> всё их; могли бы даже выучиться рукоделью. Между тем и вы были бы лучше расположены друг к другу розно, нежели вместе. Не было бы ссор и причины обвинений были бы реже. Настоящее не напоминало бы о прошлом. Ты же получил бы право и на благодарность, ибо ты уступил бы необходимости для общего блага и добровольно сделал бы такое пожертвование, которое всё предписывает сделать, но которое лучше сделать заранее для избежания бедствия, нежели после, когда оно пришло и когда уже ничего поправить не будет можно. Дети же, не участвуя в семейных несогласиях, только бы любили отца своего и не имели бы несчастья его обвинять. Вдали был бы ты им дороже (ибо мать считала бы свою святою обязанностью возбуждать и укоренять в них к тебе привязанность и почтение), вблизи ты только бы вооружал их против себя, и это неизбежно. Я это вижу уже теперь. Общее несчастье до них не коснулось. И Саша уже ими занимается. Время проходит с их пользою – и это теперь, когда еще нет сил думать о спокойном занятии, когда еще едва начинает собираться с духом и едва имеет бодрость думать о том, как жить.

*Для вашей экономии и приведения в порядок расстроенного состояния.*¹⁴ Кажется, и говорить нечего. Что тебе жить одному в Пе-

тербурге, а ей у матери в Дерпте или в деревне, несравненно экономнее, нежели вам вместе в Петербурге содержать дом, лошадей, людей и тратить вдвое на стол, одежду и множество непредвиденного и неизбежного. Счет короток: ей нужен на всё один муратовский доход. Что же можешь ты истратить на себя, особенно когда будем жить вместе и общие расходы иметь пополам, верно, втрое менее. Следовательно, будешь иметь способ и уплатить свои долги и еще что-нибудь накопить для детей. Живучи же вместе, как ни бейся, всё будут долги увеличиваться, и, наконец, найдешь ли в себе столько сил, чтобы снести бедность с долгами. Если и все другие обстоятельства не требуют благоразумной разлуки, то всё для устройства ваших дел вам нужно бы было на несколько лет расстаться – а теперь сколько других равноважных причин? – Наконец последнее: *выгоды света и службы*. Всё хорошее на стороне добровольной разлуки. Всё, что испорчено в свете слухами (очень еще немногими) о вашем несогласии, забудется. Те же, кому дорого счастье Саши и которых ты вооружил против себя за нее, были бы примирены с тобою твоим пожертвованием для общего вашего блага: во всех них приобрел бы ты ревностных хлопотунов за тебя. Разумеется, что всё это имело бы влияние и на твою службу, и на ход твоих литературных занятий. Причины бы тебя ненавидеть и внутренно желать тебе зла мало-помалу бы исчезли; причины бы помогать тебе и во всем содействовать, основанные на желании добра ей и на ее поддержании, увеличились бы и укоренились. Она бы оставила завещание всем нам о тебе заботиться, и эта забота была бы легка и приятна. Желали бы тебе добра для нее и, наконец, если бы ты поддержал начатое, для тебя самого. И не было бы никакого повода в этом случае перемениться. По крайней мере скажу решительно за себя – но знаю, что мой образ действия в отношении к тебе сделался бы образом действия и других. Как я думаю о тебе теперь. Скажу искренно: смотрю на тебя с каким-то ужасом. Боже мой! величайшее несчастье, какое только могло постигнуть наше семейство, случилось, и что же? Ты, которому бы должно быть его подпорою и утешением? Ты единственно причина отчаяния? Надобно плакать о Маше, и еще от тебя ждать несчастья и притеснения! И думая о тебе, надобно в голове приискать средств, как бы от тебя защититься. Этих средств много, и крайность заставляет их употреблять. Но на что допускать себя до крайности. Нет! я за себя ручаюсь! Войди в общую беду не так, как притеснитель и мучитель, а решишь помочь тем, чего от тебя желают и что для самого тебя выгодно, и всё

улажено. Мы будем товарищи, обещаюсь не расставаться с тобою, во всем тебе содействовать, что нужно для твоих выгод, обещаюсь употреблять всё, что нужно для того, чтобы и других побудить к этому содействию; еще может быть некоторая связь между нами – связь благодарности за Сашу. А средств служить тебе найдется много. Они откроются сами, когда будем жить вместе. Ты не будешь один, не потеряешь ничего в сердце детей, и связь с Сашею не совсем будет разорвана; и для нее останется благодарность. Не оскорбления – этим письмом. Последние строки его доказывают тебе, что оно писано не для оскорбления: но должно было сказать истину всю, дабы представить тебе ясно единственное средство общего спасения.

---

¹ Вместе с письмами Жуковского к Воейкову от марта-апреля 1823 г. сохранились и два письма Саши Воейковой к мужу, которые лишь отчасти писаны ее рукой. По-видимому, они были полностью сочинены Жуковским. Вот текст первого письма Воейковой к мужу (писанное Жуковским выделено курсивом):

«Вчерашнее письмо твое решило меня отвечать тебе прежде отъезду Жуковского. – Маменьки здоровье не позволяет ей ехать; *но если бы и позволяло, то она не может и не хочет оставить малютку (Катю, дочь Маши. – Авт.) и Мойера.* Мое же положение не позволяет мне и желать перевести ее к себе, но оставить ее в это время, когда я одна могу сохранить ей жизнь, есть совершенная невозможность, и было бы преступлением. Следственно, лето и зиму я твердо решилась прожить с нею. Сам можешь понять, что после нашей потери нам не о веселой летней жизни думать, а о том, как хоть несколько устроить то, что так неожиданно расстроено. Жить в Сарском Селе было бы несносно. Мы можем только вместе найти некоторое подкрепление. Я решилась твердо провести весь нынешний год вместе с маменькою и с Машиною дочерью. Тебе же противоречить этому невозможно: что можешь сказать против нашего несчастья. Можешь сказать только то, что тебе будет скучно одному, что будешь беспокоиться о детях. – Сравните свою скуку и свое беспокойство с нашим несчастьем. Не добрая воля, не свободный выбор, но неожиданное бедствие заставило меня на это решиться; но я решилась твердо и прошу тебя не прибавлять к нашему страданию своим противоречием (так. – Авт.). В этом случае всё заставляет тебя согласиться со мною: если уж не привязанность ко мне, не участие, то просто человеколюбие. Я знаю свои должности, знаю, что я их, что бы ты ни говорил, не нарушила. Я знаю, что теперь моя священная должность: здесь остаться и что она не противоречит прочим. Надеюсь, что не захочешь без нужды разорвать сердца, уже и так бессильного. Всё, что можешь сказать против моего пребывания здесь, есть то, что ты будешь слишком один; но я расстаюсь с тобою не для счастья. Это же время пройдет вдвое полезнее без детей: мы можем все заниматься с ими с двойною заботливостью; всё время будет принадлежать нам. Наше содержание будет нам стоить безделицу. От тебя не требую совершенно ничего; кроме уплаты маменьке и miss Parich (гувернантке. – Авт.). На себя и детей тратить мне нечего, совершенно нечего. Всё нужное для их ученья здесь есть; новых учителей нанимать не надобно; всё найдется дома. Итак, всем этим легко можешь заменить те 300 рублей, которые заплачены вперед за наем дома в С<арском> Селе; дом можно будет легко сдать другому. К нам же в дом можешь взять постояльца: Ж<уковский>

в этом поможет. По-дерптски жить будет выгоднее <?> и твоей экономии. На счет же твоего приезда сюда скажу одно: не прибавляя нашего несчастья; в доме Мойера тебе быть нельзя, ты знаешь. Детей же ты увидишь только на два дни. Этим можешь пожертвовать *для того*, чтобы меня хотя в этом ужасном несчастье избавить от тех огорчений, которые твое присутствие с собою необходимо приносят *и для которых, может быть, теперь сил неостанет*. Ты знаешь, что дети с матерью и там, где о них лучшие заботы.

Прошу тебя, обдумай хорошенько, прежде нежели решишься. Мне поступить иначе нельзя и не должно. Если захочешь противиться, то докажешь этим единственно только то, что имеешь одно жестокое намерение меня мучить и что моя потеря несколько тебя не трогает. Я готова открыть целому свету мое теперешнее намерение и уверена, что целый свет меня оправдает. Обстоятельства решат, когда мне к тебе возвратиться». (На полях приписка: «доколе <2 нрзб.> – нам отдых») (РО ИРЛИ, № 29399, л. 13–13 об.).

В письме упоминаются И. Ф. Мойер (1786–1858), муж Маши, и трое детей Воейковых (Катя, Саша, Андрюша), из которых самому младшему не было еще и года. Письмо Воейковой было, по-видимому, отправлено вместе с письмом Жуковского от конца марта 1823 г.

² Речь идет о восьмилетней Кате. Письма к ней Воейкова 1823 г. неизвестны.

³ Проявления любви Тургенева к Воейковой приняли столь несдержанный характер (однажды он в забывчивости поправил у нее локон), что Воейков вызвал его на дуэль; дело пришлось улаживать Жуковскому ([Попов М. М.] А. Ф. Воейков... С. 582). См. также примеч. 23 к следующему письму.

⁴ На этот упрек Воейков ответил в письме от 4 апр. 1823 г. – см. ниже примеч. 11 к нему.

⁵ Речь идет о долгах Воейкова Е. А. Протасовой и гувернантке, мисс Пэриш, жившей в семье Воейковых.

⁶ О квартире, которую снимали напротив Аничкова дворца Жуковский и Воейковы, см.: *Иезутова Р. В.* Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 177.

⁷ По-видимому, домовладелец в Царском Селе.

⁸ Воейков усмотрел в этих словах угрозу обращения с жалобой на высочайшее имя или начала дела о разводе Воейковых.

⁹ Жуковский говорит о законе, предписывавшем жене жить с мужем и всюду за ним следовать. Об этом говорилось в Уставе благочиния 1782 г., который был полицейским уставом. Закон предписывал жене «неограниченное послушание» мужу. «Несчастье», упоминаемое Жуковским, – смерть М. А. Мойер.

¹⁰ Речь идет о подозрениях Воейкова жены в неверности.

¹¹ Служба Воейкова в Дерптском университете закончилась в 1820 г., поскольку попечитель дезавуировал его как доносчика. Многочисленными столкновениями сопровождалось сотрудничество Воейкова с Н. И. Гречем в журн. «Сын Отечества», о чем он рассказал, со значительной долей преувеличений, в своих позднейших воспоминаниях. К 1823 г. служебная и литературная деятельность Воейкова была омрачена целым рядом эпизодов, свидетельствовавших о его нечестности, злобе, коварстве, хитрости.

¹² Н. И. Греч вспоминал о времени пребывания Жуковского за границей (1820–1822): «Друзья его охладели к Воейкову, который успел насолить всем <...> Каким образом, спросят у меня, умел он еще держаться в свете при таком образе мыслей, при таких чувствах и поступках? Он обязан был всем своим существованием несравненной жене своей, прекрасной, умной, образованной и добрейшей Александре Андреев-

не, бывшей его мученицею, сделавшейся жертвою этого человека» (*Греч Н. И.* Записки о моей жизни / Под ред. и с коммент. Иванова-Разумника и Д. М. Пинеса. М.; Л., 1930. С. 648–649).

¹³ Коллежский советник А. Ф. Воейков был в 1820 г. определен в Департамент духовных дел. В том же году он стал ординарным профессором российской словесности в Артиллерийском училище, в 1821-м там же – классным инспектором. В училище Воейков служил до 1825 г. В 1822 г. он был пожалован орденом св. Владимира 3-й ст. В 1826 г. он вышел в отставку с чином статского советника, в том же году вновь зачислен в Департамент мануфактур и внутренней торговли, где служил чиновником по особым поручениям, в чине коллежского советника, до 1834 г. Отставлен с чином статского советника. См.: РО ИРЛИ, ф. 31, № 35 (формулярные списки Воейкова).

¹⁴ В послании «К жене» (1817) Воейков писал о необходимости отъезда жены с дочерью в деревню: «Ты права; но теперь раскаиваться поздно: / Три года (как сви-нец тяжелых) жить нам розно! / Уж черным грифелем на аспидной доске / Заботливый расчет нас осудил к тоске; / Нолями доказав посредством вычитанья, / Что плюс долгов у нас и минус состоянья...» (ВЕ. 1818. № 9. С. 25). Стихотворение живописует мучения любящего мужа вдали от своей семьи. Расстаться Воейковы тогда не решились, но их материальное положение продолжало ухудшаться. Жуковский, конечно же, знал об этом давнем плане Воейкова.

2

А. Ф. Воейков В. А. Жуковскому

4 апреля 1823 г. Петербург

Письмо твое, писанное с какой-то высоты, на которую сам ты себя поставил, набитое оскорбительными и незаслуженными упреками, угрозами, убийственными экономическими расчётами и софизмами, я пережил.

Не грех ли тебе написать, что, когда я просил матушку и звал на лето в Царское Село А<лександр> А<ндреевну>, я о себе *только думал*? Слушай! Я испытал в жизни много жестоких несчастий: в один день, обманутый самым близким мне человеком (который сам был плутами обманут), потерял все имение;¹ был при Павле I-м выключен из службы и выгнан из Петербурга,² похоронил мать;³ но ни одно из сих бедствий не поразило меня так глубоко, как внезапная кончина сестры Марьи Андреевны.⁴ Я хожу и теперь как безумный: надобно взглянуть на лицо мое, когда кровь (между полуднем и 4-ью часами) приливает в голову и сердце бьётся, как у самой слабосильной женщины.

Вина моя состоит не в том, что я звал сюда мать и жену свою, но в ошибочном суждении о М.....;⁵ но я ли один? целый свет ошибся со мною! он имеет свои правила, которых я отгадать не берусь; потому

что они выходят из круга обыкновенных, людских правил. Ни один человек, имеющий хотя мало чувства, не принял бы руки М<арии> А<ндреевны> без ее сердца:⁶ он дорезал жертву материнского самовластия.⁷ Ни один человек не остался бы жить в том доме, где все напоминает ему и прежнее счастье, и невозвратную его потерю. Целый свет был уверен, что он уедет в чужие края. Тогда что лучше могли бы сделать матушка и А<лександра> А<ндреевна>, как не переехать в Царское Село с моими детьми и с дочерью Марьи Андреевны? мне очень простительно желать провести с ними светлый праздник и проводить их в дороге.⁸ – Ни один человек не продолжил бы за гроб сестры Маши своего мщения и ненависти: как же мне предполагать, что перевозосимый Вами за нежность и доброту не примирится со мною и что двери к сердцу его навсегда для меня заперты?⁹ И тем более имел я надежды на искренний мир, что я не знаю, в чём виноват перед ним: неужели в том, что осмелился сказать то, что ты напечатал в двух томах in-quarto.¹⁰

Куда спрятал ты совесть свою, когда писал о стихах, в Инвалиде напечатанных? Это простой перевод всем известных французских стихов; никто в них не назван, даже имя переводчика не подписано.¹¹ По-твоему, стихи Карамзина к неверной могут служить судебным доказательством, что Карамзин опубликовал жену свою, как изменницу,¹² а перевод слепца-Козлова Бейроновой элегии свидетельством, что он желает развода с женою?¹³ Перечитай В<естник> Е<европы> 1808-го и 1809-го годов – и замолчи!¹⁴

Где было твое сердце, когда ты, убивая меня вестью о годовой разлуке с детьми, думал утешить меня тем, что А<лександра> А<ндреевна> на издержки свои ничего не требует? Для кого же я работаю, хлопочу, переносу бесчисленные беспокойства и неприятности? неужели я и тут *думаю только о себе*? Ты знаешь мой образ жизни: два блюда и тёплая комната – им не нужны плоды трудов моих? осенью бросаю и службу, и Инвалида, и Петербург с радостью, с восторгом, как невольник, вырвавшийся из каторги. – Стыдись с своими утешительными расчетами!

Ты боишься, что я употреблю *звериное право* для отнятия детей у матери,¹⁵ а сам уже грозишь когтями и зубами. Ты надеешься на силу свою у Двора, собираешься очернить меня перед Государем, представить письма *мужа к жене*,¹⁶ письма, в которых он упрекает ее в неосторожности, в излишней доверчивости, а не в измене, не в распутстве. Советую показать сии письма мои к А<лександре> А<нд-

реевне> и к Катеньке какому-нибудь искусному адвокату. Поверь, что он не найдет никаких обвинительных юридических в них документов. Ты осрамишь себя перед святейшим Синодом.¹⁷ Не выступай на сцену, как человек, имеющий проклятое намерение разорвать брачный союз между нами: помни, что у нас две дочери, что А<лександра> А<ндреевна> должна <быть> им примером. Она, без сомнения, с ужасом отвергнет варварское предложение твое обвинять отца детей ее перед Государем,¹⁸ я знаю высокий образ ее мыслей. *Звериное право твое*, кажется, замышляет и Вел<икую> Княгиню сделать орудием твоего бесчеловечия.¹⁹ Прекрасно ты платишь ей за ее к тебе благоволение! где ты научился благородному ремеслу доносчика? Неужели на могиле Маши?

Не бравши в соображение черноту таких угроз и подлое средство, ты ошибаешься в своих расчетах. Правила Государя всем известны; положится ли он на твои рассказы? Я сегодня же напишу записку: в ней изложу печальную Историю нашего семейства; ты не блистательную роль будешь играть в ней. Первые горькие слезы и первая кровь горлом у А<лександры> А<ндреевны> пролита тогда, когда матушка открыла твою любовную переписку с Машею.²⁰ Я был уж женихом²¹ – и очень это помню; не понимаю, как ты мог забыть это! Моя записка, так же как и твоя, дойдет до Аничковского Дворца и до престола. Сойди с ходуль и перестань диктаторствовать.

Прожить год в Петербурге одному – что значит это в сравнении с нашим горем? Будешь скучать? – неправда! можешь даже и не скучать! работай! Я подозреваю, что ты выписал эту фразу из Гельвеция, который называет любовь родителей к детям смешным предрассудком.²² Ей нельзя было родиться в голове твоей. Опровержение на это состоит в двух словах: *я отец, ты не отец!*

Им нужно быть вместе, чтобы не умереть, где возьмешь для них сил, чтобы переносить одиночество в пустом Машином доме, или чтобы покинуть ее дочь и ехать гостить к тебе в Царское Село?

Вот язык, которым должен был говорить Жуковский. Оно (так. – *Авт.*) бы разбудило мое сердце, если б оно и могло заснуть. Горесть их для меня священна. Я не поеду в Дерпт к светлому празднику, а в дом Мойеров никогда; дам им время опомниться и прийти в себя. Не возму теперь к себе детей, хотя Божеские и человеческие законы (которые, смею тебя уверить, я знаю в тысячу раз лучше тебя) и дают мне полное на то право. Вить не по Шиллеровым стихотворениям станут разбирать жену с мужем. Сына-Андрюшку отдадут матери,

а дочерей отцу.²³ Но ты сам говоришь, что до крайности допускать себя не должно. Я и уверен, что А<лександра> А<ндреевна> потребует от меня только таких пожертвований, которые не превышают сил человеческих. Также не захочет, чтобы я бросил выгодную службу и сделал нищими и детей, и себя. Но возможно ли мне оставаться слишком долго в П<е>т<е>рб<у>рге, когда дети мои будут жить в Дерпте или в Муратове: где они – там и я!

Окончу тем же, чем ты. Прошу, прошу: прочти до конца, обдумай на досуге, реши свободно и беспристрастно. При свидании прошу не браниться. Ты видишь, что я готов все сделать.

Преданный тебе всею душою
А. Воейков.

4. IV. 1823 С. П. б.

---

¹ Об обстоятельствах потери Воейковым какого-то из своих имений сведений не имеется.

² Два сохранившихся формулярных списка Воейкова не содержат сведений о выключении его «из службы» и высылке из Петербурга (РО ИРЛИ, ф. 31, № 35; первый из них составлен в 1820 г. и подписан А. И. Тургеневым). Служба Воейкова началась в 1796 г. в л.-гв. Конном полку (вахмистр); 16 янв. 1797 г. он произведен в офицеры; с 1797 г. – корнет Екатеринбургского кирасирского полка; вышел в отставку в 1801 г. (см.: Декабристы: Биогр. справочник / Изд. подгот. С. В. Мироненко. М., 1988. С. 40; Песков А. М. Воейков А. Ф. // Русские писатели. 1800–1917: Биогр. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 456). Перевод из гвардии в армейский полк, вероятнее всего, был связан с какой-то скандальной историей.

³ О смерти матери см. во вступ. статье, с. 267.

⁴ Умерла 18 марта 1823 г.

⁵ Речь идет о муже М. А. Мойер, с которой у Воейкова были очень сложные отношения. В ее замужестве, состоявшемся в 1817 г., многие родственники, в том числе Жуковский, видели стремление укрыться от невыносимого для нее общения с Воейковым.

⁶ Здесь и далее Воейков говорит об Иване Филипповиче Мойере (1786–1858), докторе медицины и хирургии, профессоре Дерптского университета. Нельзя сказать, что в момент, когда М. А. Мойер приняла его предложение, она не была увлечена им. О высоком уважении и самом теплом отношении к жениху, а затем мужу говорится во многих ее письмах к родным. Тем не менее предсмертный дневник, обнаруживающий какое-то глубокое жизненное разочарование, Мойер начала писать задолго до своей смерти (см.: Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». С. 235–236). Большим потрясением для нее было возвращение в Муратово летом 1822 г., напомнившее ей о годах, которые она провела рядом с Жуковским. Тяжелым для Мойер испытанием стала необходимость скрывать охватившие ее чувства.

⁷ Воейков говорит об отказе, которым Е. А. Протасова ответила на сватовство Жуковского к Маше. Жуковский обращался к ней с предложением руки и сердца не однажды на протяжении 1812–1815 гг. В июне 1814 г. Воейков принял позицию Е. А. Протасовой, считая, что этот брак невозможен. О более ранней позиции Воейкова, выраженной, в частности, в разговорах с А. И. Тургеневым, Д. А. Кавелиным, И. В. Лопухиным и др., а также в ряде его писем, Жуковский писал ему 10 сент. 1814 г.: «Сам же на счет мой и Машин был убежден совершенно, первое, тем, что *желал* нашего счастья и говорил, что без него не захочешь и собственного, второе, и самым *мнением*: ибо (тогда) для тебя образ мыслей Екатер<ины> Афан<асьевны> казался суеверным, и в этом ты не колебался нимало» (РО ИРЛИ, № 29399, л. 9–10 об.).

⁸ Речь идет о Пасхе, которая в 1823 г. праздновалась 22 апр. Воейков хотел приехать к этому дню в Дерпт и забрать затем с собой семью, а с нею мать жены и дочь умершей Маши.

⁹ Авторитет Мойера в кругу родных и знакомых был очень высоким. Что же касается отношения Мойера к Воейкову, то он не простил ему бешеного противодействия его женитьбе на Маше. Причину ненависти и клеветы со стороны Воейкова Мойер усматривал в том, что из его рук, после ее замужества, ушла половина протасовского имени. См.: Уткинский сборник. С. 196; *Соловьев Н. В.* История одной жизни. Т. 1. С. 62.

¹⁰ In-quarto (*лат.*) – в четверть. Речь идет об издании «Стихотворений» (1-е изд.) Жуковского, в двух частях, которое вышло в 1815–1816 гг. Воейков намекает на отражение любви Жуковского к Маше Протасовой в целом ряде напечатанных в нем стихотворений и баллад. Об этом чувстве он, по-видимому, напоминал в 1816 г. в кругу семейства Е. А. Протасовой, выступая противником замужества Маши.

¹¹ Имеется в виду стихотворение «К ней» в журн. «Новости литературы» («Литературное прибавление к Русскому инвалиду») (1822. № 26. С. 208; дата: «18 ноября 1822»):

Она похитила надежды милой сладость,
Доверенность, любовь, поэзию и радость!
Цвет настоящих благ цветет не для меня,
Всё, кроме горестей, похитила Она.
Но Ей обязан я прекраснейшими днями,
Возвышенностью чувств и лучшими стихами.
О счастье прошлом мысль преследует меня,
И счастье в будущем похитила Она.

Вопреки уверениям Воейкова, под стихотворением была подпись, более чем прозрачная для издававшегося им журнала: «В–в». Жуковский понимал, что при существовании в петербургском обществе слухов вокруг отношений Тургенева с Сашей Воейковой публикация этих стихов будет растолкована как выражение чувств обманутого мужа.

¹² Воейков пишет о стихотворении Н. М. Карамзина «К неверной» (1796). В первой публикации оно имело подзаголовок «Перевод с французского», скрывавший автобиографический подтекст. Вопреки мнению Воейкова, речь в нем шла не о жене Карамзина. См.: *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. М.; Л., 1966. С. 205–208, 395.

¹³ Имеется в виду стихотворение И. И. Козлова «Прости! И если так судьбою...», которое появилось вскоре, в начале мая 1823 г. (№ 18), в «Сыне Отечества», с подза-

головком «Элегия лорда Байрона, на разлучение супругов» (перевод стихотворения «Fare thee well! And if forever...», 1816).

¹⁴ В 1808–1809 гг., когда «Вестник Европы» издавался Жуковским, в нем печатались большое количество переводов, как стихотворных, так и прозаических, причем без фамилий авторов оригинальных произведений.

¹⁵ Выражение «звериное право» в черновике письма Жуковского к Воейкову отсутствует.

¹⁶ О намерении Жуковского представить государю письма «мужа к жене» в черновике письма речи нет (маловероятно, что оно содержалось и в том письме, которое Жуковский послал Воейкову). Есть лишь указание, сделанное, надо признать, с элементом угрозы, что в его руках находятся письма Воейкова к дочери Кате с неподобающими отзывами о ее матери.

¹⁷ В Российской империи бракоразводные дела находились в ведении Святейшего Синода.

¹⁸ Об обращении к императору Александру I по делу Воейкова в черновом письме Жуковского не было ни слова – он лишь просил его не доводить до «крайности». При этом, правда, оговаривался, что для защиты от Воейкова у него «средств много».

¹⁹ Вел. кн. Александра Федоровна, супруга вел. кн. Николая Павловича. В 1817 г. Жуковский стал ее учителем русского языка. Далее Воейков упоминает петербургскую резиденцию велико княжеской четы – Аничков дворец.

²⁰ Эпизод, связанный с открытием «любовной переписки с Машею» Жуковского, относится, по-видимому, к апрелю 1814 г., когда произошло резкое объяснение с ним Е. А. Протасовой. Воейков пытается сделать Жуковского виновником зародившейся у Саши еще в Муратове чохотки, связав ее с переживаниями за сестру. Между тем в письме от 10 сент. 1814 г. Жуковский напоминал Воейкову, говоря о Саше: «Но кто же этой невинной душе открыл мою привязанность к Маше и кто заставил эту невинную душу ее оправдывать? Не ты ли сам?» (РО ИРЛИ, № 29399, л. 7 об). В дневнике конца 1814 г. Жуковский особо останавливался на взаимоотношениях Воейкова с женой: ему нужно «беречь Сашу», поскольку частые слезы («ист<ерика>») приведут к тому, что ее «здоровье нач<нет> погиб<ать>» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 13. С. 63–64).

²¹ Женихом Саши Протасовой Воейков стал в конце марта 1814 г.

²² Имеется в виду трактат К. А. Гельвеция (1715–1771) «О человеке, его умственных возможностях и его воспитании» (опубл. 1773). В нем была дана негативная оценка воспитанию ребенка в родительском доме.

²³ Поскольку в письме речь идет о разводе, можно предположить самый серьезный подтекст в словах Воейкова о том, что он оставит жене только «сына Андрюшку». По-видимому, Воейков мучился не просто ревностью к А. И. Тургеневу, но и подозрением, что он был его настоящим отцом. День рождения Андрюши (16 июля 1822 г.) был пережит Тургеневым как некое торжество: «Я еще не могу собрать сил своих, чтоб выразить Вам хоть слабо всё, что чувствовал и чувствую», – писал он неизвестному адресату 18 июля 1822 г. (*Соловьев Н. В.* История одной жизни. Т. 1. С. 93). Вскоре после рождения Андрюши произошли какие-то события, осложнившие положение Тургенева в доме Воейкова настолько, что Саша была вынуждена отстраниться от него. В письмах к Жуковскому он каялся в своей несдержанности и опрометчивых поступках, но уже ничего не мог поправить. Тургенев понимал, что из Петербурга в Дерпт Воейкова бежала не только от мужа, но и от него (см.: Там же. С. 120–125). 25 окт. 1827 г. Жуковский, возмущенный откровениями Тургенева кн. П. Б. Козлов-

скому, писал ему о Воейковой: «Итак, о том, что у тебя с нею было, – ни слова, никому! <...> Загладь старое» (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 224–225). В 1828 г. Воейкова, смертельно больная, оставила мальчика в пансионе в Женеве, откуда его в 1833 г. забрал Жуковский; возможно, она это сделала потому, что знала об отношении мужа к «сыну Андрюшке». Андрей Воейков оказался умственно отсталым и был признан недееспособным в возрасте 25 лет; его опекуном стал И. Ф. Воейков.

3

В. А. Жуковский А. Ф. Воейкову

Середина апреля 1823 г. Дерпт

Я пропустил одну почту, чтобы отвечать хладнокровно на письмо твое, исполненное низких ругательств. На эти ругательства отвечать считаю низким, но хочу сказать тебе несколько решительных слов. Саша хочет иметь покой в минуты несчастья; она хочет провести весь этот год с своею матерью, хочет быть избавлена в течение этого года от всех тех горестей, которые имела со времени своего замужества; хочет свободно это время посвятить своим детям – она требует, чтобы ты согласился дать ей этот год необходимого покоя и чтобы ты всё это время к ним не приезжал, этого требует Е<катерина> Афанасьевна,¹ этого заставляет их требовать и опыт всего прежнего времени. Вот. – Этот год нужен для А<лександр> А<ндреевны> как год опыта; он скажет ей, на что она должна решиться после, чего ожидать от будущего и возможно ли для нее какое-нибудь с тобою будущее. Прими мой совет и согласись и оставь их в покое. Эта временная разлука многое может поправить, если только ты сам поправить захочешь. Напиши просто и ясно: соглашаюсь оставить вас в покое на год и во весь этот год обещаюсь к вам не приезжать. Вот все, чего от тебя требуют. Не обманывай себя, прошу тебя, и посмотри на вещи глазами благоразумия. Не доходи до крайностей. Ты не выиграешь. Я очень рад, что всё написанное тобою ко мне написано, а не сказано, и что мы были далеко друг от друга. Тебе не нужно было ругать таким подлым образом ни Мойера, ни Маши, ни меня, тогда как тебе говорили только о тебе и жене твоей. Я не грозил тебе Государем, просил только избавить всех нас от крайностей. Если же ты сам выдумал упомянуть о Государе, то я готов стать рядом с тобою перед лицом его. Твоя записка, в которой и не хочу играть хорошей роли, меня не пугает; не тебе зачернить и мое прошедшее; оно чисто; если же и было

в нем что-нибудь предосудительное, то, к счастью, оно всё падает на одного меня и такого рода, что перед Государем не постыжусь ответа за <н>его. Я готов выйти с тобою на суд: за меня будет всё мое прошедшее, вся семья твоя, всё твое прошедшее, твоя рязанская, дерптская и петербургская жизнь.² На всё найдутся свидетели живые и свидетельства осмысленные <?>. Пиши свою записку и, если хочешь, отдай ее мне, я сам ее представлю Государю. На суд закона мы не пойдем, ибо не надобно, чтобы это падало на жену и детей твоих; но на суд Государя-человека – я рад с тобою выйти. – Подумай об этом и решишь. Мне думать нечего; я готов. Но, если можешь, избавь себя от такой колкости. Напиши ясно ответ твой. Скажи в немногих словах, согласен ли *оставить Сашу на год с ее матерью в Дерпте и с нею во всё это время не видаться*. Напиши и исполни обещанное. В таком случае всё останется по-прежнему, и все твои выгоды на стороне этой временной добровольной разлуки. Здоровье Саши поправится, она будет свободно и постоянно заниматься ученьем детей; дети не будут свидетелями ни ссор, ни слез, лучше привыкнут любить отца, ибо она как мать научит их только уважать тебя; на издержки ее ничего ей не нужно. Плати только должное Е<катерине> А<фанасьевне> и miss Parrich: себе она не требует ничего; и ты, следовательно, будешь иметь больше способа расплатиться с долгами. Твое пожертвование будет выгодно для тебя и с другой стороны. Все, кому дорого счастье Саши и которых ты вооружил против себя за нее,³ будут тебе благодарны за временное спокойствие, которое ей доставишь, – многое забудется в течение года. Ты же будешь не один; мы еще можем остаться вместе; Саша еще может быть нашею связью: я во многом могу тебе помогать и буду помогать. Живучи вместе, будем тратить вдвое меньше.⁴ В дом к себе можешь пустить постояльца, общего знакомого. Можем быть и согласны, ибо нам не о чем личном спорить. *Пишу* всё это теперь для того, чтобы всё было *сказано наперед* и чтобы нам уже ни о чем не говорить лично. – Итак, вот пункты: 1-е, согласиться, чтобы Саша осталась, не приезжая, в Дерпте во весь этот год; 2-е, жить со мною с тем, чтобы я теми деньгами, которые определены мною тебе, уплачивал маменьке: ты должен ей за прошлый год 1200, да за нынешний 1500, следовательно, из 3000, которые обязан я заплатить тебе, 2700 заплачу в течение года ей. 3-е, не упоминать ни при мне, ни при ком о Мойере и Маше, забыть, что один жив, а что другая жила на свете. Побереги себя и меня. Клянусь всем, что есть свято, что не стерплю ни одного твоего слова, сказанного насчет их

мне или кому-либо. Выбирай любое: или проживем вместе спокойно год, занимаясь каждый своим делом и помогая в чем можно друг другу, или начнем борьбу: мои друзья готовы. Ругательства твои не устоят против тех документов, которые могу предоставить и которые, на всякий случай, вверю я в третьи руки.⁵

<Письмо от имени А. А. Воейковой, рукой Жуковского:>

Письмо твое к Жуковскому, которое читала я с отвращением, еще более решило меня требовать от тебя того, о чем писано в последнем моем письме. Я имею нужду в покое. Не имею сил после нашего страшного несчастья переносить новых горестей. И для того требую от тебя решительно не приезжать в Дерпт ни под каким предлогом. Это нужно и тебе столько же, как и мне. Противоречием и старанием мучить меня ничего не поправит; можешь только довести до отчаяния и крайности. Год же спокойствия многому пособить может: увижу, чего ждать и надеяться. От тебя денег не требую; могу прожить год тем, что имею.^а Жуковский заплатит маменьке за прошлый [год], а miss Parrich за нынешний. За все страдания, какие имела от тебя я и вся семья моя в течение 9 лет, имею право хотя на один спокойный год. Он решит для меня будущее. Жуковский на всё имеет мое согласие. Маменька так же, как и я, желает, чтобы ты во всё это время с нами не видался. Употреби его на общее наше добро: это в твоей воле.

Письма ко всем не посылаю, оставляю тебе на волю <?>, отдавать ли в мое распоряжение Муратово или прислать мне доход муратовский деньгами.^б В первом случае уведошь и напиши ко мне; тогда напишу и я.

<Притиска рукой Воейковой, с правкой Жуковского:>

Приказ, который бы не противоречил моему, чтобы Васенька,⁷ к которому пишу о тебе,^б относился о Муратове только ко мне. Маменьке же долг,^в взявши Муратово, я за нынешний год заплачу.

<Притиска на полях рукой Воейковой:>

распоряжение, пришли мне к Васеньке

---

¹ Е. А. Протасова жила в доме И. Ф. Мойера. Требование Протасовой, чтобы Воейков не приезжал в Дерпт, могло быть связано с сообщением младшей дочери об обращении с ней мужа.

---

^а *Вверху начата притиска рукой А. А. Воейковой: но требую Муратова в свое <распоряжение>*

^б к которому пишу о тебе – *вписано Жуковским.*

^в долг – *вписано Жуковским.*

² Упоминание об обстоятельствах жизни Воейкова сделано, по-видимому, с элементом угрозы, поскольку именно в Рязанской губернии жила в свое время А. Н. Воейкова, с которой он прижил сына. Что же касается устройства Воейкова на службу в Дерпте и Петербурге, то это было сделано по просьбам Жуковского, через его друзей.

³ А. А. Воейкова обладала огромной силой внешнего и внутреннего обаяния и вызвала повсеместное восхищение и любовь к себе. У нее были обширные дружеские связи в петербургском обществе, причем не только в литературных, но и в придворных кругах. Воейкову очень любила будущая императрица Александра Федоровна, а также лица из ее ближайшего окружения (в частности, М. М. Вильдермет); к ней были расположены и Александр I, и Николай I.

⁴ См. примеч. 6 к письму № 1. Ниже Жуковский называет сумму, которую платил Воейкову за совместную квартиру, предлагая отдать деньги Протасовой в счет его долга ей.

⁵ Какие документы имел в виду Жуковский, неизвестно, но, вероятнее всего, именно эта угроза подействовала на Воейкова отрезвляюще. Какой-то документ Жуковскому могла передать Маша, которая, столкнувшись с анонимным письмом (см. вступ. статью, примеч. 21), написала А. П. Елагиной 18 дек. 1817 г., прося поговорить с Воейковым, его несомненным автором (он гостил в этот момент в Долбине вместе с женой): «Я могу показать некоторую бумагу, которая *не была сожжена* и которая заставит даже его покраснеть» (Уткинский борник. С. 198).

⁶ См. вступ. статью, примеч. 9. Получала ли Воейкова муратовский доход, живя в Дерпте в 1823–1824 гг., неизвестно.

⁷ По-видимому, Василий Андреевич Проташинский, единокровный брат Воейковой и Мойер.

4

А. Ф. Воейков В. А. Жуковскому

25 апреля 1823 г. Петербург

Жуковский! я бы назвал тебя злодеем, если б не был совершенно уверен, что ты дурак, действующий слепо для удовлетворения умной, доброй, милой женщины, но сошедшей <с> ума на точке пожертвований.¹ После того, что ты сам обвенчал Марью Андреевну,² я полагаю, что ты в угождение Е<катерине> А<фанасьевне> в состоянии вывести на всесветную сцену жену мою, забыв, что и выигравшая процесс с мужем женщина уже ославлена и опозорена. Итак, зная, что ты живешь в мире поэзии и, спустясь в мир существенный, можешь надевать таких дурачеств, которые не только сделают несчастным меня, А<лександр> А<ндреевну>, но и дочерей наших, скрепя сердце, решаюсь на такие уступки, на такие лишения, каких только можно потребовать, не будучи разбойником.

1-ое. Я уступаю тебе процесс мой с А<лександрой> А<ндреев-ной>. Я буду молчать; положим на час, что ты его выиграл. На что мне жена, которая бегаёт от мужа и с ужасом отвергает с ним свидание даже в светлый праздник? Ей совершенная свобода! Если сердце скажет ей, что пора перестать мучить несчастного мужа: тогда дело другое; мое сердце готово!

2-ое. Детей я оставляю у нее жить и воспитываться; пусть только не читают им лексикона жалким голосом,³ не заставляют гладить ног Ек<атерины> Аф<анасьевны> и держать по несколько часов неподвижно ей голову.⁴ Ты знаешь, что это не каприз; у меня есть два старинных письма твои из Черни в Муратово; там тоже есть, что я теперь пишу.

3-ое. Но отказаться видеть их: это же не в моей власти; не обещаю того, чего исполнить не в состоянии. Выходи именной Указ, запрещающий отцу любить детей своих; ты покроешь себя нового рода славою; потетишь Пугачева, Расстригу и Ваньку-Каина.⁵ Слышишь ли? от свидания с детьми я не отказываюсь, приезжай сюда; представляй свидетелей живых и мертвых, употреби на это прекрасное дело всё твое красноречие: ты не успеешь. Посоветуйся с Ек<атериной> Аф<анасьевной> и приготовься выйти на суд.

Еще повторяю: хочу видеть детей, и никакая власть не лишит меня сего невинного, единственного удовольствия.⁶

Между тем, не бранясь, не сердясь, не выходя на суд, вспомни человечество и разреши мне следующие вопросы: ты пишешь, *«это временная разлука, не развод, оставь их в покое весь этот год»*. – Тут вижу срок, время! и хотя срок для отца ужасно отдаленный, но не предаюсь отчаянию.

А<лександра> А<ндреевна> пишет: *«обстоятельства решат, когда мне к тебе возвратиться»*. Тут вижу пропасть, вечность, развод!

Разреши, ради Бога, ради сестры Маши, ради всего, что свято, эту задачу: когда начинается год, Вами вынуждаемый, и когда он окончится?⁷ Остается ли дом Меншикова за нами на будущий год, который по контракту начинается с 1-го сентября?⁸ Или я должен сдать его хозяину и искать себе другой приют, более приличный мужу, которого жена оставила, у которого отняли детей, которому грозят ссылкой, цепями, и хотят подавить всю силу свою при Дворе?

С слезами и на коленях прошу с первою почтою меня в сем решительно уведомить. Ты видишь, что срок квартиры близок, я стану понемногу продавать мебель, не стану принимать подписки на Инвалид, приготовлюсь после экзамена, который будет в начале октября, к

отставке из училища, или решусь остаться в П<е>т<е>рб<у>рге и служить.⁹

Если Матушке и А<лександре> А<ндреевне> угодно будет хотя на короткий срок приехать в П<е>т<е>рб<у>рг, то сделай в рассуждении их пребывания такие жестокие условия, какие хочешь. Я на всё согласен; готов совсем не видеть их, не встречаться даже на улице, если только могу этим сделать им приятное. Дайте мне детей, детей!

25. IV. 1823

С. П. б.

*Приложение. Письмо Воейкова к жене, отправленное с письмом Жуковскому.*¹⁰

Александра Андреевна! я бы был настоящий сумасшедший, если б усиливался заставить тебя насильно любить себя и жить с мужем, которого ты ненавидишь. Ты свободна жить где и как хочешь. В днях недостатка не будешь иметь. Предоставляю тебе и детей, и их воспитание; выговариваю для себя, в случае, если ты не воротишься, одно: два раза в год, каждый раз по целому месяцу, видеть детей; ты можешь распорядиться так, чтобы не иметь неприятности меня видеть. Напр<имер>, летом: можешь отпустить их с Miss Parich в Петербург, а я даю тебе святое и ненарушимое слово через месяц возвратить их тебе. Или я приеду в Дерпт и, не разлучая тебя с дражайшим Мойером, не по<й>ду к тебе, буду сидеть в своем уголке и видаться с своими бесценными малютками. Этого никакая власть земная не лишит меня; неужели ты будешь так бесчеловечна, такой тигрицей, что станешь придумывать средства отнять у меня сие последнее, единственное наслаждение? Но я торжественно объявляю тебе, – что не откажусь от свидания с детьми ни за что в мире. Место, время и обстоятельства в твоей воле. Прошу почтить меня ответом решительным и милосердным.

25. IV. 1823.

---

¹ Воейков говорит об Е. А. Протасовой. Ср. запись в его дневнике, напечатанную Е. Я. Колбасиным без даты, но, несомненно, относящуюся к апрелю 1823 г.: «Жестокое письмо от А<лександры> А<ндреевны> и убийственное от Жуковского. Ек<атерина> Аф<анасьевна> совершенно овладела им»; следующая запись: «Жду с надеждою, а больше со страхом Жуковского. Что могу я ожидать от глупца, который живет

в эфире, который погубил собственное счастье, исполняя волю Ек<атерины> Афан<асьевны>, сошедшей с ума на слезах ложной чувствительности и пожертвованных?» (*Колбасин Е. Я.* Литературные деятели прежнего времени. СПб., 1859. С. 279).

² Помимо матери Маша Протасова просила благословения на брак с Мойером и у Жуковского, который дал его после больших колебаний; присутствовал он и на их венчании.

³ Речь идет, по-видимому, о каких-то особенностях обучения детей в семье Воейковой иностранным (французскому и немецкому) языкам. Неслучайно она неоднократно писала Жуковскому из-за границы в 1828 г. о том, как продвинулись в их освоении дети, и он, в своих письмах, давал ей дополнительные наставления (см., например: *Соловьев Н. В.* История одной жизни. Т. 1. С. 185; Т. 2. С. 66–67).

⁴ Е. А. Протасова страдала приступами мигрени.

⁵ Имеются в виду Емельян Пугачев, Гришка Отрепьев («Расстрига») и знаменитый московский разбойник Ванька Каин (Иван Осипов).

⁶ Уверения Воейкова в горячности своей любви к детям, по-видимому, были одной из его масок. «Никогда, даже говоря о своем близком конце, – писал Зейдлиц Жуковскому 15 (27) марта 1829 г. об А. А. Воейковой, – она не беспокоилась о судьбе своих детей. Мысль, что их воспитание будет введено кем-нибудь другим, а не вами, никогда даже не возникала в ее душе» (*Соловьев Н. В.* История одной жизни. Т. 1. С. 257). Во всех письмах Жуковского, связанных с Воейковой и написанных как в последние дни ее жизни, так и после смерти, красной нитью проходит мысль о необходимости изолировать детей от их отца, А. Ф. Воейкова. После смерти матери и возвращения из-за границы дети никогда не жили в его доме. До Екатерининского института, куда были помещены девочки на счет императрицы Александры Федоровны, они жили или у бабушки, Е. А. Протасовой, в Дерпте, или у гр. П. В. Толстой, ближайшей подруги Воейковой, в Петербурге. Жуковский наметил общую стратегию их образования и материального обеспечения, исходя из возможностей, во-первых, своих, а во-вторых – рассчитывая на помощь императрицы. Жуковский обеспечил сестер Воейковых вкладами в банке, предназначил им, по завещанию 1837 г., доходы от аренды, наконец, сделал их наследницами своей недвижимости, которую впоследствии продал, разделив между ними деньги (см.: *Мисайлиди Л. Е.* Завещание В. А. Жуковского 1831 г. // Пушкин и его современники. СПб., 2009. Вып. 5. С. 111). Следует отметить, что и А. Ф. Воейков не остался в стороне от забот о своих детях. Сохранилось несколько писем Воейкова к Жуковскому (начиная с 9 ноября 1829 г.), в которых он уверял его – по-видимому, в ответ на какие-то сомнения – в доставлении денег на их содержание (см., например, сообщение в недатированном письме о том, что с него «вычитают» (возможно, из денег по залогу имения) «б т<ысяч> для детей»: РО ИРЛИ, № 27966, л. 24). В канун смерти, однако, Воейков волновался лишь о своих четырех детях от второй жены, А. В. Деулиной, рожденных до заключения брака с ней, считая, что дочери от первой жены (сына он в виду не имел) обеспечены Жуковским (см.: Русский архив. 1905. № 4. С. 685–686).

⁷ К мужу Воейкова вернулась в начале 1824 г. О годе, проведенном Воейковой вдали от него и ставшем «счастливой эпохой» ее жизни, см.: *Соловьев Н. В.* История одной жизни. Т. 1. С. 138–139.

⁸ Речь идет о возобновлении контракта на квартиру на Невском проспекте в доме Меншикова. См. примеч. 6 к письму № 1.

⁹ Письма с ответами на вопросы Воейкова Жуковский не отправлял, поскольку в день получения письма от него выехал в Петербург. В соответствии со всеми гаран-

тиями, которые он дал, в служебно-издательской деятельности Воейкова никаких изменений в 1823–1824 г. не произошло.

¹⁰ РГБ, ф. 99, карт. 22, ед. хр. 25, л. 20–21. Сохранился целый ряд писем Воейкова, которые он направил жене в марте–апреле 1823 г.; нами выбрано для публикации лишь одно, написанное им в один день с письмом к Жуковскому.

5

А. Ф. Воейков В. А. Жуковскому

29 мая 1823. Петербург

Ты обещал быть мне крепким помощником по Инвалиду.¹ Сдержи же хоть раз слово: пришли каких-нибудь стихов – десятка два, три! Всякое даяние благо свыше сходяй.² Ты недавно дал Гречу пьесу,³ в календарик шесть пьес.⁴ Или ты думаешь, что переводчик славного Делилеева стиха: *Promettre – c'est donner, espérez – c'est jouir*,⁵ должен всякое несдержанье твоих летних и зимних, осенних и весенних обещаний закусывать этим стихом. Нет! Мне выгоднее придерживаться российской пословицы: не сули журавля в небе, а дай синицу в руки. Прощай и верь, что я горжусь тем, что из миллионов и миллионов людей, живущих на земном шаре, один, и единственно один притеснен, и размучен, и несчастлив от тебя.

А. Воейков.

29. V. 1823

---

¹ Имеется в виду журн. «Новости литературы» («Литературное прибавление к Русскому инвалиду»), который издавал Воейков. В нем появилось лишь одно стихотворение Жуковского – «Прощальная песнь, петая воспитанницами Общества благородных девиц, при выпуске 1824 года» (1824), причем это была перепечатка – после публикации ее в 1824 г. на страницах «Сына отечества» (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 237, 625). Таким образом, поэт проигнорировал грубейшее требование Воейкова и не дал в его журнал стихи.

² Изувеченная цитата из заамвонной молитвы, читаемой после литургии.

³ По-видимому, речь идет о стихотворении «Путешественник и поселянка» (1819), которое вышло еще в конце февраля 1823 г. в журн. «Сын отечества», издававшемся Н. И. Гречем (см.: *Сын Отечества.* 1823. Ч. 84, № 8. С. 27–33).

⁴ «Календариком» Воейков называет альманах «Полярная звезда» на 1824 г., в котором появилось пять произведений Жуковского: отрывок из баллады «Вадим» («Двенадцать спящих дев»; 1810–1817), сцена (д. 4, явл. 1) из «Орлеанской девы» (1817–1821), отрывок «Приступ к чертогам Приама. (Из II-й песни Энеиды)» («Разрушение Трои»; 1822), а также статьи «Путешествие по Саксонской Швейцарии (в 1821)» и «Рафаэлева Мадонна. (Из письма о Дрезденской галерее)» (1821). О том, какие произведения давали авторы в «Полярную звезду», Воейков узнавал непосредственно от А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева, издателей альманаха (см.: *Литературный*

архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 422).

⁵ «Prometteur, c'est donner; espérez, c'est jouir» – стих из второй песни поэмы Ж. Делиля «Сады» («Les Jardins»; 1782). Ср.: «В желанье – прелести, в надежде – наслажденье» – пер. А. Ф. Воейкова (цит. по: *Делиль Ж.* Сады / Изд. подгот. Н. А. Жирмунская, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, И. Я. Шафаренко. Л., 1987. С. 130); «Блаженство нам сулит такой заросший сад, / А ожидание – блаженнее стократ» – пер. И. Я. Шафаренко (Там же. С. 51). Отдельное издание поэмы в переводе Воейкова вышло в 1816 г.

6

В. А. Жуковский А. Ф. Воейкову

25–28 июня 1823 г. Павловск

Скажи ради Бога, чему должен я верить? Ты сказал мне ясно, что не хочешь быть в Дерпте прежде 13 июля; ты даже мне это обещал. Теперь узнаю от Тургенева, что ты собираешься ехать на сих днях.¹ Для чего же ты меня обманываешь. Прошу тебя уведомить меня положительно, какой день назначаешь ты для отъезда. Поезжай после 5-го числа; в этот день, вероятно, и я могу выехать.² Избавь же и себя и меня от великого неудовольствия. На что ссориться, когда можно обойтись без ссоры. Твой отказ приму за явный знак того, что ты сам хочешь заводить войну.

Напиши ж мне ясно, когда едешь: прежде или после пятого? Завтра жду твоего ответа, который для меня нужен, дабы и я мог на что-нибудь решиться. Я сам хотел с тобою видеться; но ждать не могу. Возвращаюсь в дилижансе.³

---

¹ За паспортом (разрешением на получение подорожной в полиции) Воейков обратился к А. И. Тургеневу, поскольку он был его начальником по службе. В письме от 25 июня 1823 г. Воейков писал ему: «...прикажи изготовить мне паспорт на 28 дней в Дерпт <...> Если случится непредвиденное нашествие варваров на Инвалида моего, то пришли за мною эстафета (так. – *Авт.*) – Бога ради! Ты знаешь, что от издания сей газеты зависит благосостояние моего семейства. Надеющийся на Тя не погибнет! <...> Если надобность потребует, то защити моего Инвалида в мое отсутствие. Я просил Вас<илия> Ив<ановича> Козлова, в случае необходимости, прибегнуть под твое покровительство». 28 июня, в четверг, он написал Тургеневу еще одно письмо: «Я знаю, что ты не присылаешь мне паспорта вследствие разговоров твоих с Жуковским. Признаюсь, что мне он удивителен, и опекунов иметь в мои лета поздно. Прошу тебя поступать с тою же откровенностью и беспристрастием, которое всегда наблюдал ты относительно ко мне, и доставить мне паспорт завтра поутру. <...> Увидимся ли в Царском Селе? Завтра еду туда в 6 часов вечера, буду пить чай у Карамзиных; в субботу в Павловское – бранить Жук<овского>, а в воскресенье назад. Пришли мне завтра же поутру мой отпуск; я не умею в один день выправлять подорожную, как

ты». События, однако, развивались стремительнее, и уже 29 июня Воейков вновь писал Тургеневу, несомненно, после встречи с Жуковским, позволившей им договориться о поездке: «Я приеду в Дерпт вместе с Жуковским, а отсюда выеду прежде его: потому что он поедет на почтовых, а я на своих. Убедительнейше прошу тебя однажды навсегда именем своим и именем А<лександр> А<ндреевны> не заботиться о ее счастье; она желает, чтоб ты, наделав ей столько неприятностей, оставил ее в покое. Это подтвердит тебе и Жуковский. У нее есть муж, отец детей, который имеет обязанность пещься о ее здоровье и счастье, и репутации. <...> Не доводи до историй и ссор» (РГБ, ф. 99, карт. 22, ед. хр. 28, л. 1–5 об.).

² По-видимому, Воейков решил воспользоваться отъездом из Дерпта Мойера, который в это время отправился в Муратово (см. письмо А. П. Елагиной к Жуковскому от 11 июня 1823 г. с сообщением о его приезде к ней в Долбино: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. С. 258). О поездке Жуковского в Дерпт в июле 1823 г. сообщений в печати не имеется. В автографе письма Жуковский, встревоженный намерением Воейкова, тут же сделал отметку: «письмо – к Саше». Показательно, что ехать они собирались в разных экипажах, но с одновременным приездом в Дерпт. Жуковский хотел присутствовать при встрече Воейкова с Сашей, опасаясь за нее.

³ По-видимому, из Павловска в Петербург (или наоборот).

7

А. Ф. Воейков В. А. Жуковскому

3 ноября 1823 г. Петербург

Удивляюсь твоей толковитости! Я совершенно во всем с тобою согласен.¹ На нынешней почте послал А<ександр> А<ндреевне> 400 <рублей> на дорогу и теплые сапоги, и Христа ради и убедительнейше просил ее, чтоб больная и с больным Андрюшкой не ездила, что вместо утешения привезет мне горесть, и совесть моя не будет покойна, если хотя на один волос дорога расстроит их здоровье. Денег нет, и слова нет! А по моим счетам есть за тобою; впрочем, у тебя в книге записан расчет со мною: выпиши и доставь. Батюшков вдруг переехал на квартиру, без всякого принуждения, по наитию доброго духа какого-то.² Но видеть, кроме тебя, никого не хочет.

Верь, что я без твоей воли не выступлю ни на шаг и без твоего одобрения ничего не предприму.

Воейков

3. XI. 1823

---

¹ В письме речь идет о возвращении А. А. Воейковой с детьми к мужу. Е. Я. Колбасин, намекавший на «некоторые семейные неприятности» как причину их временного разъезда, считал, что ее возвращение было вызвано увечьем Воейкова – осенью 1823 г.

он сломал ногу (*Колбасин Е. Я.* Литературные деятели прежнего времени. С. 286). Именно этим обстоятельством, по-видимому, вызван и примирительный тон письма Воейкова к Жуковскому, который во второй половине ноября 1823 г. должен был ехать в Дерпт. По сообщению Н. В. Соловьева, Воейкова появилась в Петербурге «к началу 1824 г.» (см.: *Соловьев Н. В.* История одной жизни. Т. 1. С. 139).

² Батюшков был привезен в Петербург в апреле 1823 г. и поселился в нанятой им квартире на Карповке, отказавшись поселиться у Е. Ф. Муравьевой. Друзья-«арзамасцы», не оставлявшие больного поэта, безуспешно уговаривали его переехать.